

Николенко-Крылова Анастасия

ЗАПРЕТНАЯ ЛУНА
ТАЙНА НАШЕЙ КРОВИ

Анастасия Николенко-Крылова

**Запретная Луна.
Тайна нашей крови**

«Автор»

2026

Николенко-Крылова А.

Запретная Луна. Тайна нашей крови / А. Николенко-Крылова —
«Автор», 2026

Она — единственная, кто может убить оборотня, Поцелованного Луной. Он — единственный, кто может её спасти. И только им решать, что сильнее, судьба или проклятие? Илана была обычной студенткой, пока в одну ночь не почувствовала: её мать хранит страшную тайну, а дом, в котором она выросла, — ловушка. Теперь волки Чёрной Луны идут по её следу, и единственный, кто может её защитить — незнакомец с пепельными волосами, который называет её сестрой. Эйдан — король Белого Яра. Он — Поцелованный Луной, и его сила не знает равных среди оборотней. Он поклялся защищать её даже ценой собственной жизни. Но его взгляды — совсем не братские, потому что он знает о её родителях то, чего не знает даже она сама. И каждый раз, когда он рядом, внутри Иланы просыпается зверь, которого она не может контролировать. Их тянет друг к другу с силой, которая сильнее смерти. Но законы стаи запрещают им быть вместе. А тайна, которую скрывала мать, способна уничтожить не только их чувства, но и весь волчий мир.

© Николенко-Крылова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Часть 1 - ИЛАНА	5
ПРОЛОГ. Часть 2 - ЭЙДАН	8
Глава 1 ТРИЗНА	11
*****	13
Глава	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анастасия Николенко-Крылова

Запретная Луна. Тайна нашей крови

ПРОЛОГ. Часть 1 - ИЛАНА

Шёл второй час ночи, но сон был абсолютно далёк от тела и сознания Иланы. Она ворочалась с боку на бок, переворачивала подушку, но даже прохладная сторона наволочки не приносила облегчения. Мысли барахтались в голове, как рыбы в тесном аквариуме, не давая расслабиться и заснуть. А всё потому, что голова была занята Артёмом.

— Ар-тём, — его имя невольно сорвалось с губ и улетело в пустоту комнаты, вспыхнув в темноте брызгами шампанского, совсем как тогда, на третьем курсе, когда они праздновали «экватор» в маленьком ресторанчике около университета и ели пищу. Лера случайно толкнула её локтем, бокал в руке Иланы дрогнул, и шампанское окатило новое платье пузырящейся пеной. И в этот момент она с удивлением обнаружила, что Артём оказался рядом. От него пахло чем-то мужским и манящим, как нагретая солнцем кожа. Она вспомнила, как он улыбнулся и протянул руку, небрежно заправив выбившуюся прядь за её ухо. От этой неожиданной близости Илана замерла, чувствуя тепло его пальцев в миллиметре от щеки. А потом он наклонился и жарко прошептал на ухо: «У тебя ресницы дрожат». Замерев от удивления, девушка почувствовала, как всё внутри отозвалось на его шёпот горячей, запретной волной.

Этой ночью его имя возвращалось снова и снова, бурлило в крови, разжигая фантазию и заставляя краснеть и чувствовать себя грязной. «Какая же я дура!» Илана перевернулась на живот, уткнулась лицом в подушку и тихо застонала. Почему он так и не написал? Чего она ждала? Что он, как настоящий мужчина, сам проявит инициативу, а на неё внезапно обрушится та самая книжная романтика — букеты, свидания, поцелуи?

Вчера Маша обмолвилась: Артём придёт на общую пару по истории. Илана сделала вид, что ей всё равно. Но сердце предательски забилось чаще, и она ничего не могла с этим поделать. Сын ректора редко появлялся на парах, но иногда заглядывал — посидеть, поболтать с однокурсниками, улыбнуться своей фирменной улыбкой. Упускать такой шанс было нельзя.

Что ж... Завтра она наденет своё новое, летящее при каждом движении нежно-голубое платье, туфли на высоком каблуке, распустит длинную косу и завьёт волосы лёгкими волнами. Будет выглядеть как настоящая леди или принцесса из сказки. И когда он её увидит, то уже не сможет отвести взгляд. А она будет сидеть на паре с тетрадью и ручкой и делать вид, что занята и совсем его не замечает. «Глупая. Глупая девчонка...» — Илана зажмурилась и прижала ладони к горящим щекам. Лера бы сказала: «Да забей ты на него, найдёшь другого». Но Лера не понимала. Никто не понимал. А она...

Илана замерла и прислушалась.

Дом ответил ей такой густой, вязкой тишиной, что собственное дыхание показалось чужим. Слишком громким. Слишком лишним в этих стенах. Лишь изредка сквозь ватную глухоту пробивались отзвуки старых часов с первого этажа да тихий перестук кошачьих лап — Мурка гоняла по коридору шарик из шоколадной фольги, скомканный мамой ещё вчера.

Мама... Она впервые оставила её одну на ночь. Илана вспомнила, как мама накануне ругалась с отчимом и не хотела никуда ехать. И вообще, она в последнее время вела себя как-то не так. Вот вчера за ужином молчала, смотрела куда-то сквозь неё, а потом вдруг спросила: «Тебе волки не снятся? Или Луна? А руки? У тебя не чешутся плечи или запястья?»

Какие ещё, к чёрту, волки? Какая «почесуха»? Что это за вопросы вообще?

И сейчас они были где-то далеко-далеко, за триста километров, на свадьбе друзей. А она осталась одна в этом доме — и как будто одна на всём белом свете.

Тик-так... Дом вдруг показался ей чужим. Её комната, её вещи, запах старого дерева и сушёных трав, заготовленных мамой, — всё было знакомым, но словно подёрнутым невидимой плёнкой. Она повернулась к окну. Лунный свет лился в комнату, заливая подоконник лучистым серебром. Илана не удержалась и протянула руку, коснувшись его. Свет Луны неожиданно показался ей тёплым и успокаивающим. Она посмотрела прямо на Луну — и та будто взглянула на неё в ответ. Илана отпрянула и спешно задёрнула штору. Сегодня всё было иначе.

Спать больше не хотелось. Вообще.

Всю жизнь она делала то, что положено. Училась, слушалась, не писала первой. Может, хватит? Может, пора сделать хоть что-то не по правилам?

Она натянула свитшот и кургузые спортивные штаны — прямо поверх пижамы. Движения были машинальными, быстрыми, пока внутренний голос не успел включиться и спросить: «А куда это ты, собственно, собралась на ночь глядя?» Илана не знала ответа на свой вопрос. Она чувствовала только одно — острое, нестерпимое желание выбраться из дома. И чем быстрее, тем лучше. Стены давили, не давая дышать. А ещё в горле щекотало любопытство — что она вот прямо сейчас нарушит главное родительское правило и выйдет ночью на улицу. От этой мысли зудели кончики пальцев.

Она выскользнула в коридор, инстинктивно стараясь не шуметь, хотя и знала, что, кроме Мурки, никого нет дома. Это было глупо и забавно — красться мимо кошки, которой всегда было плевать на человеческий сон. Илана позвала её, но Мурка не появилась. «Ну и ладно», — подумала она и, недолго думая, вышла на улицу, осторожно закрыв за собой дверь.

Ночной воздух ударил в лицо — влажный, пахнувший прелыми листьями и чем-то ещё, сладким и тревожным. Тишина вокруг была живой и пульсирующей. «Надо было всё-таки надеть носки», — подумала Илана, шагнула вперёд и замерла, вглядываясь в темноту. Лес у границы участка стоял чёрной стеной. И оттуда, из чащи, доносился странный, рокошующий звук, похожий на чьё-то глухое, утробное кряхтение. Иногда он сменялся тонким, почти жалобным писком и низкой вибрацией, от которой волоски на руках встали дыбом.

Илана прислушалась. Писк был похож на кошачий. Совсем как Мурка, когда та просилась домой с прогулки. «Что, если она ранена?» — мелькнуло в голове. Илана рванулась к лесу, не успев додумать эту мысль до конца. Что-то тянуло её туда — сильнее страха и голоса разума.

Впереди гулко хрустнула ветка, будто на неё наступило что-то большое и неосторожное. Человек? На её участке? Ох, жаль, что дядя Гора так и не поставил забор — всё потакал желаниям мамы быть ближе к природе.

Илана должна была испугаться. Должна была метнуться обратно в дом, захлопнуть дверь. Но вместо этого она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. «В фильмах ужасов таких, как я, убивают первыми. Тех, кто бежит ночью в лес на странные звуки». Но она не могла остановиться: что-то тянуло её к лесу, как магнитом.

Зря.

Девушка остановилась, но было уже поздно: из подлеска, ломая кусты, вывалился огромный медведь. С седым загривком, который предупреждающе топорщился в лунном свете. Илана, замерев от ужаса, вгляделась в его морду, пытаясь понять, нападёт он или нет, хотя ответ был очевиден. Его глаза — два чёрных провала, полных голодного, отчаянного бешенства, — буравили её своим взглядом.

Медведь резко встал на задние лапы и взревел. Звук ударил по ушам, заставив Илану согнуться и прикрыть голову руками. Адреналин молотил в висках, требуя кричать и бежать прочь. Но она не могла пошевелиться, а медведь уже приближался, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Он почуял добычу.

Бежать? Поздно. Кричать? Бесполезно.

И в этот момент Илана вдруг почувствовала, что страх, который охватил её полностью, ушёл, давая место чему-то незнакомому и древнему, как сама Земля. В горле потеплело, и Илана запела.

Мелодия пришла ниоткуда. Слова — чужие, гортанные, пришедшие из глубины веков, сами ложились на язык, как будто она знала их всегда. Звуки вырывались из самого сердца, сплетаясь в древнюю, неизведанную мелодию, и мчались навстречу зверю. Она пела, глядя прямо в глаза противнику, и голос её больше не дрожал.

Медведь замер и заторможенно опустил на четыре лапы. Рёбра всё ещё вздымались от рваного дыхания, но в глазах что-то изменилось — будто гнев вытекал из них, сменяясь растерянностью и непониманием. Он качнул головой, совсем как человек, который пытается сбросить с себя оковы наваждения, — но нет. Снять их он не мог. Они оплетали его, влезая в уши, в открытый рот, в горячий, распыленный от запаха близкой добычи нос. Звуки заворачивали его упрямой, древней силой. Ослепляли. Лишали воли.

И тогда медведь отступил и попятился, а затем развернулся и грузно, ломая кусты, исчез в чаще. Илана слышала его тяжёлое удаляющееся дыхание и отзвуки шагов, отдающихся вибрацией по земле — вибрацией, которая пронизывала её кроссовки и поднималась по ногам до самых бёдер.

Илана замолчала, опустившись на колени прямо в мокрую траву, и только тут поняла, что дрожит, а её руки ходят ходуном так, как никогда в жизни. Тишина окутала поляну глухим одеялом, а в голове билось удивление, смешанное наполовину с эйфорией. Она выжила! Выжила! Но что это вообще такое было? Ответа не было. Только дрожь в пальцах и холод земли, промочившей спортивные штаны на коленях.

Илана вдруг услышала, как совсем рядом, в кустах малины, хрустнула ветка. Она повернула голову, вглядываясь, и успела заметить, как в темноте, примерно в метре над землёй, мелькнули две янтарные искры. Слишком высоко для собаки. Слишком низко для медведя. Искры качнулись, словно кто-то кивнул собственным мыслям, и погасли. «Мой перформанс не остался незамеченным. Жаль, что зрителями оказались лесные звери».

Илана хотела окликнуть, подняться, но не успела — лунный свет внезапно стал ярче. Он словно сгустился, стал плотным, тяжёлым, и один луч, самый яркий, скользнул по верхушкам сосен и коснулся её лица. И в этот миг она почувствовала его. Отзвук чужой боли — острой, свежей и тоскливо одинокой. Где-то далеко, на другом конце этого же самого лунного луча, кто-то терял самое дорогое. Илана прижала ладонь к груди. Сердце билось часто, но теперь — не от страха, а от соощущения. Словно чья-то беда прошла сквозь неё, оставив след — щемящий, горький, но странно родной. Она не знала этого человека. Не знала его имени. Но в этот миг он был ближе, чем кто-либо другой.

Внезапно всё оборвалось, и Луна снова стала просто Луной — далёкой, холодной и равнодушной. Илана медленно поднялась с травы, отряхнула колени и, бросив последний взгляд на тёмную стену леса, пошла к дому. В спину ей дышала ночь — и огромный чёрный зверь с янтарными глазами.

ПРОЛОГ. Часть 2 - ЭЙДАН

В лазарете пахло травами, кровью и приближающейся смертью. Эйдан сидел у постели умирающего отца уже третий час, не двигаясь и не произнося ни слова. Он считал. *Тридцать четыре. Тридцать пять. Тридцать шесть...*

Дела плохи. Уже тридцать шесть коротких судорожных вдохов, наполненных свистом и болью. Вода... Как же хочется пить... Он вспомнил, что в соседней комнате стоит графин с водой, но не мог заставить себя подняться — боялся, что за эти секунды его отец уйдёт к праотцам без него. *«О, Богиня! Если ты есть — помоги! Забери мою силу, забери моего зверя, только дай ему открыть глаза и выздороветь!»*

Молодой мужчина — стройный и бледнокожий — в полутьме лазарета казался сотканным из неподвижного лунного света. Лишь изредка по предплечьям пробежала судорожная волна силы, и на коже проступали всполохи белоснежной шерсти — зверь внутри нервничал, чуя конец жизни своего отца и вожака. Длинные, густые волосы цвета нетронутого снега были небрежно стянуты в низкий хвост, открывая острые скулы и тонкую линию челюсти. Его глаза — льдисто-голубые, отдающие серебром в царившей вокруг полутьме, — казались почти потусторонними.

Эйдан, наследный принц клана Белого Яра, смотрел, как за узким окном башни Сумеречного дворца сгущалась пелена ночи. Длинные тени всё ближе подползали к краю кровати уходящего в небытие Великого волка — Торна Белоярова. Тот, кто ещё утром был полным сил предводителем стаи, сейчас походил на собственную тень: бескровные губы, восковая кожа, а из небольшой раны в боку, под самыми рёбрами, расплзались чёрные нити яда, которому лекари не знали названия. Эти отравляющие лозы тянулись по венам всё дальше, оплетая тело вожака медленной, неотвратимой гибелью. Торн был весь покрыт жидкой серой испариной. Так его тело вытягивало из себя последние капли жизни, пытаясь изгнать мерзость яда, от которого нет противоядия.

«Не уходи. Пожалуйста». Эйдан сглотнул, заставляя себя смотреть на отца сквозь пелену, застилавшую глаза. Он всё уже понял, но не мог смириться с тем, что это произойдёт.

Отец резко открыл глаза и зашёлся в тяжёлом, влажном кашле. Его грудь ходила ходуном и никак не могла выплюнуть вязкий сгусток, застрявший там, где начиналось горло. Наконец справившись, он посмотрел на сына и коротко бросил:

— Эйдан!

Сын вздрогнул и склонился ближе, и в этот момент отец неожиданно резко вцепился в его руку — так, что кости хрустнули, сжимаясь от нечеловеческой силы. Эйдан инстинктивно попытался вырвать руку, но остановился, понимая, что Смерть уже склонилась рядом и тяжело дышит прямо в лицо Торна:

— Это... это Орин... — закашлялся умирающий вождь. — Я знаю. Он хотел убрать меня... и... посадить на трон... тебя.

Эйдан сжал челюсти. Значит, Орин. Это имя мгновенно впилося в его память калёным железом. Шаман с белёсыми глазами, решающий судьбы ухмылкой. Что ж. Его судьба решена:

— Я вырву ему хребет. Сегодня же! — он попытался вскочить, но рука отца, всё ещё сжимающая его мёртвой хваткой, дёрнула обратно.

— Нет, сынок. — Торн закашлялся, выплёвывая чёрные сгустки сворачивающейся крови, похожие на клочья чёрного мха. — Сначала выслушай. Ты должен... узнать... правду! Всю! Она... Илана! У меня есть... дочь! Она... там... Она...

— Дочь? — это незнакомое на вкус слово вырвалось у Эйдана как ругательство. — И ты скрывал её от меня? Я не понимаю. Кто она? Где? Почему? — он осёкся, увидев, какую боль причиняют его слова умирающему.

— Илана. Она в опасности. Защити... защити её! — прошептал вожак. — И... прости меня. За всё!

— Ты бредишь!

Дрожащей рукой король стянул с шеи массивный золотой медальон с вырезанной волчьей головой — родовую печать Белояров.

— Возьми его. В нём... мои воспоминания... И помни... несмотря ни на что, ты... мой сын!

Молодой оборотень принял медальон, ещё хранивший тепло умирающего. Он сжал его в ладони так сильно, что металл громко звякнул, — и этот звук показался слишком резким в тишине застывшего в ожидании смерти лазарета.

Торн замолчал и поморщился — то ли от яда, ползущего всё глубже в тело, то ли от правды, которую он только что озвучил сыну. Из последних сил он приподнялся на локтях, широко открыл глаза и выдохнул:

— Теперь ты — вожак! — и упал без сил на подушки.

По телу Торна побежали волны густой серой шерсти с алыми всполохами — тело судорожно пыталось запустить переход в волчью форму, но яд уже почти забрал у него остатки лунной силы. Агония заставила его выгнуться под неестественным углом, кости рук вывернулись и хрустнули, разрывая кожу. Из горла вырвался глухой, булькающий стон, а глаза... Глаза старого волка налились кроваво-красным светом — последней вспышкой былого могущества. Но всё было напрасно: яд задушил зверя быстрее, чем он успел вырваться.

Торн замер.

И в этот миг лунный луч ворвался в комнату и коснулся груди отца. Эйдан присмотрелся и увидел, как в месте соприкосновения задвигалась кожа и что-то гадкое и грязное стало испуганно покидать пределы тела погибшего оборотня. Эта скверна выбиралась наружу, и луч выжигал её своим абсолютным светом. Эйдан услышал лёгкий звук шипения и испарения. А потом — на долю секунды — ему показалось, что луч коснулся не только отца. Что-то тёплое скользнуло по его собственной груди, вздохнуло и исчезло.

«Что это было?»

Лунный луч в последний раз ослепительно блеснул снопом голубых искр и растворился. Отец в последний раз вздохнул и расслабился, освободившись от своей жизни. Его лицо резко разгладилось, а пытавшаяся вырваться из недр кожи шерсть отступила. Торн Белояров снова стал собой — таким, каким Эйдан помнил его с детства. Эйдан понял: Лунная богиня забрала отца в свои чертоги.

Эйдан остался один. Он разжал ладонь и посмотрел на печать. На холодном металле остался липкий след — кровь отца. Он на мгновение задумался, а затем надел символ власти на шею — и тот сразу показался тяжелее, чем был на самом деле, будто в нём хранилась не только память отца, но и его воля. Всю жизнь он был наследным принцем клана Белого Яра. Теперь же стал королём, который должен выполнить последнюю просьбу отца: защитить Илану. Раз так — он сделает это. Чего бы ни стоило.

За окном послышался протяжный, усиливающийся с каждой секундой вой — стая провожала ушедшего к богине предводителя. Это была их волчья тризна, последняя дань уважения тому, кто столько лет вёл их в этом мире людей. Эйдан в последний раз посмотрел на застывшее лицо отца: оно было спокойным и странно чужим. Казалось, Торн уснул — если бы не запах смерти, пропитавший всё вокруг своей гадкой сладостью.

«Илана». Имя прозвучало в голове чужим голосом. Кто она? Где? Почему отец умолял защитить её? Какую правду скрывал? И почему сказал так странно: *«Несмотря ни на что, ты мой сын»*?

Эти вопросы, на которые он не знал ответов, заставили его тело напрячься. Эйдан распахнул окно. Ночной воздух ударил в лицо — влажный, тяжёлый от аромата земли и прелых

листьев, — так пахла свобода, в которую он любил нырять. Он резко взобрался на подоконник и прыгнул. В полёте его тело плавно перетекало, меняясь. Длинная, густая шерсть хлынула по коже, кости растянулись, перестраиваясь, и огромный белоснежный волк приземлился на четыре лапы, взрыхлив когтями землю у подножия башни. Он резко повернулся и бросил прощальный взгляд на свой дом: Сумеречный дворец смотрел на него пустыми окнами — там, наверху, больше не было отца — Торна Белоярова, Великого волка. Теперь это имя носит он, Эйдан. И Илана. Где бы она ни была.

Эйдан запрокинул голову к сияющей серебром Луне. Она смотрела на него — холодная, далёкая, вечная. Вой, вырвавшийся из его груди, был полон тоски, ярости, клятвы — и одиночества, от которого не спасала даже волчья шерсть.

Теперь он — Вожак.

Глава 1 ТРИЗНА

Солнце нахально лезло в окно, заливая комнату светом. Илана зажмурилась, перевернулась на другой бок и больше не пыталась хвататься за ускользающий сон, в котором её преследовали бесконечные жёлтые глаза и цирковые медведи. Тело уныло отозвалось ломотой во всех суставах, будто она вчера разгружала вагоны или как минимум полчаса висела на дыбе в кабинете палача.

— Старею, — хмыкнула она и потянулась за телефоном.

Экран мигал уведомлениями. Двадцать три пропущенных от мамы и дяди Горы за последние несколько часов, начиная с ночи и до самого утра. Последний — в половине девятого. Илана сплотнула. Мать никогда не звонила так часто. Никогда. Что-то случилось. Да и с чего ей звонить ночью? Она нажала «перезвонить» и поплелась умываться, уже представляя, что сейчас услышит.

По пути отметила: кроссовки, брошенные у порога, были в такой грязи, что только в помойку. Туда же полетели и спортивные штаны, в которых она спала. Они были картой её ночного приключения: на коленях — грязно-зелёные разводы от травы, а на левом бедре — бурое пятно, подозрительно похожее на кровь. Пахло всё это резко и неприятно. Илана потрогала ноющие колени и поморщилась. Значит, она действительно стояла на них в мокрой траве и дрожала, глядя вслед уходящему медведю. Медведь! *«Там был медведь, и я его успокоила!»*

— Илана! Ты почему трубку не берёшь?! Я звонила всю ночь! Ты вообще понимаешь, что я себе напридумывала?! — голос мамы звенел от напряжения. Но дочь слышала в нём не злость, а страх.

— Мам, прости, я спала, телефон был на беззвучном, — Илана старалась говорить спокойно, но внутри всё сжалось. Она представила, как мама набирает её номер снова и снова, как мечется по комнате и ничего не может сделать.

— Всё в порядке. Правда. Я просто крепко спала.

— Точно всё хорошо? — мамин голос чуть смягчился, но тревога всё ещё сквозила в каждом слове.

— Да. Абсолютно.

Она не стала рассказывать про медведя. Зачем? Мама бы испугалась ещё больше. И потом — как объяснить, что она не только встретила медведя, но и зачем-то пошла к нему ночью, вместо того чтобы запереться в доме? Нет уж. Пусть это останется её маленькой тайной. Её ночным безумием.

В ванной она глянула в зеркало. Отражение было не лучше: лицо в разводах, прикушенная губа, под глазами — бурые тени. Будто и не спала вовсе, хотя чему здесь удивляться, ведь так оно и было.

— Ещё и деградирую, — сообщила она своему отражению. — Шатаюсь ночью по лесам, сплю в штанах, хожу по дому в обуви и обманываю маму. Класс! Она меня убила бы, если бы узнала.

Артём. Эх, она хотела быть сегодня лучше всех, но вместо этого стояла сейчас перед зеркалом в образе замарашки.

— Бог с ним, — сказала она вслух. — Сегодня я себя люблю больше, чем Артёма.

И это было правдой. Сегодня в ней что-то изменилось. Она не просто выжила — она сделала что-то невозможное: не умерла, встретившись с диким медведем, и победила. Пусть и таким странным, необъяснимым способом.

На входе в корпус университета она заметила двоих. Привлекательные молодые люди в кожаных куртках — Илана отчего-то сразу поняла, что это не студенты и не преподаватели.

Что-то в том, как они стояли — слишком спокойно, слишком уверенно для чужаков на чужой территории. Они о чём-то разговаривали с её однокурсницей Машей, которая кивала и неловко улыбалась чужакам, то и дело снимая и надевая очки — явно флиртовала, но выглядело это довольно глупо. Они были красивые, эти молодые люди, и «заучка» Маша, не избалованная вниманием противоположного пола, совсем потеряла голову. Илана смотрела на незнакомых парней, и ей казалось, что они одинаковые. Как две копии с одного конвейера или одноразовые кофейные стаканчики.

Илана прошла мимо, стараясь не смотреть, но успела перехватить взгляд одного из них. Холодный. Янтарный. Оценивающий. Так смотрят не на случайную прохожую — так смотрят на цель. Или на жертву.

Один из них приторно улыбнулся и кивнул ей. Внутри всё сжалось. Она вспомнила янтарные искры в кустах. Как они качнулись и погасли. Тогда ей показалось, что это волк. Теперь же она ни в чём не была уверена.

Илана тряхнула головой и усмехнулась про себя. Отлично. Просто отлично. Ещё вчера она переживала из-за Артёма и о том, в каком он будет шоке, когда увидит её такой сногсшибательно красивой, а теперь у неё, кажется, серьёзные проблемы с головой или слишком бурная фантазия. Илана приняла решение не торопиться и посидеть в коридоре на скамейке, позависать в телефоне, бездумно скролля ленту соцсетей. На историю она опоздала. Да и бог с ней — не до Артёма. Главное, что она отдышалась и пришла в себя.

После пар она поймала себя на мысли, что боится возвращаться одна в свой пустой дом. Нет уж, сегодня хватит приключений! Она достала телефон и написала Лере: *«Ты сегодня у меня ночуешь. Это не просьба»*. Потом подумала и скопировала это же сообщение в переписки с Машей, Лией и Владом. Чем больше народу, тем меньше шансов, что янтарные глаза из темноты окажутся не такими безобидными.

Домой она ехала, стоя в переполненном автобусе. Ей казалось, что у всех вокруг жёлтые глаза и они все на неё неотрывно смотрят. На одном из поворотов кто-то толкнул её плечом. Илана обернулась, но толпа уже сомкнулась, и она не поняла, кто это был. Только почувствовала в этот момент, как по её ладони скользнуло что-то острое, а затем сиюминутно прижалось и исчезло. Илана прижала руку к груди и увидела: высокий бородатый мужчина в тёмной куртке и солнцезащитных очках, стоявший рядом, сжимал в руке салфетку. На её белоснежных складках, прямо на её глазах расплывалось красное пятно - кровь. Он взял её и приложил к лицу, вдыхая. Крылья его носа по-звериному расширились и сомкнулись, почуяв её запах. Илана открыла рот, чтобы закричать, но мужчина уже шагнул к выходу и слился с потоком выходящих пассажиров.

«Он взял мою кровь! Зачем?» Внутри всё похолодело. Она смотрела на царапину и уговаривала себя, что это случайность. Толкучка. Кто-то задел украшением. Часами. Молнией на куртке. Ну не когтем же. Не мог же это быть коготь!

Но перед глазами стояла рука незнакомца — слишком быстрая, слишком точная, и на мгновение ей показалось, что пальцы на этой руке заканчивались вовсе не безобидными ногтями, а тёмными, заострёнными когтями. Слишком длинными для человека.

Пламя погребального костра взревело, рванувшись к небу в тот самый миг, когда первый луч Луны коснулся сложенных на вершине веток. Стая обступила поляну предков — все до единого. Седые старейшины, воины, волчата после первого оборота. Они стояли кругом, уронив головы, и тишина давила на плечи. Эйдан чувствовал её затылком. Все ждали, когда главный шаман — Орин Волот — нарушит её.

Но тот медлил: Орин пил власть до дна, смакуя каждую каплю безвременья. Трое младших шаманов, наречённые сыновья, замерли за его сутулой, с торчащими из-под тонкой кожи позвонками спиной теньями. Белёсые, лунные глаза с голубоватыми искрами, что напоминали осколки лунного камня, лучились холодным торжеством. Это его время. Время Орина. Эйдан знал правила: пока тело старого короля не предано огню, новый — ещё не властен, и стаей правит Шаман. Две ночи Орин упивался могуществом, дарованным лишь смертью, и требовал покорности. Умасливал Луну, вымаливал благосклонность. Стая безропотно повиновалась. Эйдан кривился от этого знания, но вынужден был ходить к нему, убийце отца, на поклон... и молить, чтобы Шаман провёл тризну по его отцу, как того требовал обычай. Соблюдая все традиции.

Две ночи шаман и его ученики готовили тело Торна Белоярова к последней дороге. Сперва обмывали в студёных водах лесного ручья, смывая с кожи кровь и грязь смерти. Затем облачили в лучшие одежды: серебристую тунiku, шитую волчьей шерстью, и тяжёлый плащ на меху белого медведя. На грудь Короля лёг родовой амулет с клыком Первого Вожака, к поясу же прикрепили меч — знак королевского достоинства. Остаток ночи стая провела в бдении: волки сидели вокруг помоста недвижно, и лишь огонь костров, мерцая, тлел в их зрачках. Старейшины один за другим подходили к усопшему, касались его лба своими носами и скулили слова прощания.

На вторую ночь старейшины по традиции воскресили тени былых битв. Молодые воины в доспехах из бересты и сыромятной кожи сходились в схватках, повторяя движения древнего ритуального боя, знакомые Эйдану с детства: «Вот Праотец идёт напролом к медведю-оборотню; вот отражает натиск чужого клана; вот в одиночку стоит насмерть у горного перевала». В воздухе дрожал призрак былого величия Белого Яра — стаи, пронесшей свою волчью суть сквозь тысячелетие бытия среди людей.

Когда представление древней былины угасло, женщины завели причитания. Сперва тихие, едва различимые, как шелест травы, затем всё выше, пронзительнее, перетекая в обрядовый плач. Их голоса сплетались с воем ночного ветра, и чудилось, будто сам лес хоронит ушедшего вожака. Эйдан стоял в стороне, сжимая медальон, и молча наблюдал, как старейшины привычно укутывают тело отца погребальными пеленами, перемежающимися с благовониями и душистыми травами. Он не участвовал в обряде и просто ждал.

Сегодня же наступила долгожданная для души Торна — третья ночь. Ночь перехода. Вся его стая была здесь, готовая проводить вожака в последний путь. Каждая семья знала своё место. У самого костра замерли потомки Великого Дома Эвра Смелого — те, чьи предки были под этой Луной тысячу лет кряду. За ними — воины, следопыты, целители. И даже Пришлые, державшиеся особняком, старались соблюсти негласные правила.

Эйдан заметил, что все семьи его стаи специально вывели на первый план своих незамужних дочерей. Девушки-волчицы, ещё не нашедшие пары, стояли как на подбор у самого огня и бросали на него быстрые, зовущие взгляды. Одна из них — золотоволосая Злата, дочь военачальника — даже улыбнулась, поймав его глаза. Эйдана передёрнуло: их Король ещё не остыл, а они уже строят планы на нового. Он отвёл взгляд. «*Неужели не понимают?*» — подумал он с глухим раздражением. А время вокруг оглушало своей тишиной.

Оборотни переминались, косились в сторону Эйдана — он чувствовал их нетерпение спиной. Чёрные мантии струились по их обнажённым телам до самой земли — одно отработанное годами движение, и они полетели бы наземь, стоило лишь поддаться зову Луны. Лишь немногие — самые сильные и талантливые — могли позволить себе принять полуформу, сохранив полный контроль над разумом и достоинство среди всеобщего звериного безумия. Остальные же обращались в волков полностью, становясь на время церемонии чистыми зверьми, подчиняющимися свечению Луны и рычанию Короля. От этой мысли у Эйдана кружилась голова и пересыхало в пасти.

Ожидание жгло. Он стоял в центре, у самого края костра, и смотрел, как последнее пламя отца пожирает само себя, набирая яростную силу. Жар обдирал лицо, но он не пятился. Со стороны казалось: ещё миг — и его серебряная мантия, шитая чёрными лунами и звёздами, вспыхнет сама. Наконец он не выдержал. Резко обернувшись, Эйдан вперился в белёсые глаза шамана.

— Пора, — слово упало камнем, разрезав тишину ожидания вокруг.

Орин будто очнулся. В глубине его зрачков на миг полыхнуло раздражение: *щенок посмел указывать! Ему!* Но он сдержался, чувствуя спиной нетерпеливые взгляды каждого соплеменника. Медленно, почти лениво, шаман шагнул вперёд, и тело его потекло, меняясь. Хрустнули кости, раздались плечи, и вот он уже возвышался над поляной в своей излюбленной полуформе: верх человеческий, низ звериный. Мощные серые лапы с длинными когтями вдавились в землю. Длинная мантия цвета запёкшейся крови ниспадала с плеч тяжёлыми складками, расшитая серебром фаз Луны, рун и древних символов. Она была скроена так, чтобы укрывать его в любом обличье: широкие рукава прятали руки-лапы, подол волочился по земле, заматавая следы.

Шаман воздел голову и запел. Низкий, гортанный гимн разнёсся над поляной, и стая подхватила его, как подхватывает ветер искру. Трое младших шаманов вплели свои голоса в голос наставника. Эйдан молча смотрел, как четверо соплеменников подняли с постамента носилки с телом отца и медленно понесли их к ревущему костру. Носилки легли на огненный постамент. Эйдан вцепился взглядом в пламя, плотоядно облизывающее отцовское тело, и сжал в ладони медальон-печать, чей металл охлаждал кожу.

Шаман резко запрокинул косматую голову и завыл — глухо, с сиплым привкусом, посылая зов Луне. Затем оборвал вой и с упоением прорычал слова упокоения:

— О Луна, Царица Ночи! Прими сына своего Торна в свои объятия!

Его стая, движимая единым порывом, отозвалась и повторила за ним на одном дыхании первую фразу священного действия, должного провести Торна через невозвратную черту, разделяющую навь и явь.

— Прими сына своего! — их объединённые голоса взметнулись к небу, и пламя костра качнулось им навстречу, будто сама Богиня услышала зов.

— Забери его душу — да хранит она заветы твои в царстве твоём! — призвал шаман.

— Забери его душу! — заворожённо глядя на всполохи погребального пламени, вторила ему вся стая: младшие шаманы, Эйдан и другие соплеменники. Казалось, что они все сейчас находятся не на священной поляне, а где-то в горах, где живёт сказочный волк Хорус, разговаривающий с путниками обрывками их фраз.

— Возьми прах его — да станет он твоими облаками!

— Возьми прах его! — оборотни не просто прощались — они возвращали Вожака домой. Туда, где нет боли, нет яда, нет предательства. Где живёт лунный свет, благодать ночных садов, пиры и игрища великих предков, наблюдающих оттуда за ныне живущими волками.

— О, Богиня! Выпей кровь его — да сольётся она с кровью предков и станет твоим морем!

Ответом ему был волчий рёв повторения, от которого содрогнулись деревья и замерли птицы в лесу. Каждый волк на поляне чувствовал, как его собственная кровь закипает в жилах, как древняя сила предков пробуждается и вливается в их общий, единый голос.

Шаман обвёл стаю мутным взглядом — тех, кому был обречён служить до конца своих дней. На мгновение в его белёсых глазах мелькнуло что-то похожее на страх — не перед Луной, а перед ними, объединёнными горем и яростью. Но он сдержался.

— Да будет так! — резко и хлётко гаркнул он заключительную строку молитвы.

И стая выдохнула, как один гигантский зверь:

— Да будет так!

Луна на мгновение стала ярче, словно и правда принимала дар. А в наступившей следом тишине, ещё более оглушительной, чем вой, каждый услышал, как где-то далеко, за гранью слышимого, Торн Белояров занял своё место среди предков. И волчий вой на мгновение стих, сменившись безмолвием, полным света.

Мир вокруг пошёл рябью, как вода от брошенного камня. Сотни оборотней, не сдерживаемых более человеческим разумом, ринулись в объятия Луны. Тела ломались и перестраивались, уступая место зверям, и через несколько ударов сердца на поляне предков не осталось ни одного человека — только волки. Белые, серые, бурые — они задирали морды к Луне и выли, посылая голоса к Богине.

Лишь одна замешкалась. Злата, дочь военачальника, сбросила мантию первой, не дожидаясь остальных. Её нагое тело, белое, как лунный луч, резко вспыхнуло в отсветах пламени. Золотые волосы растеклись по плечам, почти ничего не скрывая. Она стояла нарочно, не отводя от Эйдана дерзкого взгляда, — пусть видит. Пусть запомнит! Затем, с хищной усмешкой, она начала меняться, слегка раскачиваясь с грацией королевской кобры, гипнотизирующей жертву перед броском. Она не стеснялась сжигаемого тела покойника в десятке метров от себя и откровенно проводила руками вдоль манящих линий и точек на карте своей кожи. Тело перетекало в звериную форму плавно, выдавая сильную, чистокровную волчицу: золотистая шерсть хлынула по коже, и вот на поляне стояла она — крупная, изящная, с горящими янтарём глазами полуволчица-получеловек.

Эйдан поморщился оттого, что мгновенно понял этот неуместный, вызывающий танец. И всё же в груди захватило дух, и оттого на миг потеплело внизу живота. *«Красива, демонова девка»*. Безумно красива и... Он отвёл взгляд резко, словно обжёгся, и заставил себя думать о другом. К горлу снова подкатила горечь — отец ещё горит, а он уже...

Очнувшись от минутной слабости, Эйдан сделал то же, что и его соплеменники. Белая шерсть проступила по коже, выглядывая из-под церемониальной серебряной мантии. Волк пытался прорвать её, но усилием воли Эйдан легко сдержал порыв и принял свой истинный королевский облик: огромный белый полуволок с серебряной проседью, с льдисто-голубыми глазами, пылающими в свете погребального костра. Он стоял в самом центре, у кромки пламени. Жар лизал лицо, но он не отступал. Он смотрел, как огонь пожирает тело отца — того, кто ещё несколько дней назад был полон сил и жизненных планов. Того, кто учил его читать следы, слушать ветер и охотиться. Горло сдавило, но Эйдан не позволил себе ни звука. Ни воя, ни стоны. Только ладонь, сжимавшая медальон-печать, побелела от напряжения.

Вой раскатывался над лесом, бился о покатые холмы и возвращался обратно, многократно усиленный. Эйдан чувствовал на себе их взгляды — оценивающие, выжидающие. Ветром доносило едва сдерживаемый шёпот: *«Новый Король... слишком молод. Слишком бел. Мальчишка. Он похож на призрака. И он будет вести нас?»*

«Кто ты теперь, Эйдан?» — билось в голове. Он смотрел в пламя и думал об Орине. О том, как шаман стоял на похоронах рядом с ним, на самом видном месте. Как его тонкие губы кривила едва заметная улыбка, а белёсые глаза смотрели куда-то сквозь огонь. Он знал.

Знал, что убил Торна, и ничего не боялся. И он знал, что Эйдан догадался о том, кто помог его отцу уйти на тот свет.

«Я убью тебя, чёртотв ублюдок», — мысленно пообещал Эйдан, не сводя глаз с шамана. — *«Но не сейчас».*

Сначала — она. Илана — неведомая дочь Торна. Девушка, о которой он не знал ничего, кроме имени и того, что в нём — его долг. У него была только одна догадка, и он молился, чтобы она не подтвердилась, и Илана оказалась не дочерью той самой волчицы, о которой он запрещал себе думать.

Бесконечный день кончился. Зверь внутри требовал выхода, но Эйдан сдержал его. Не сейчас. Он в последний раз взглянул на догорающий костёр, развернулся и, не оборачиваясь, пошёл прочь от поляны предков. Его ждал медальон-печать — завет ушедшего отца, секрет, который мог всё изменить. Эйдан шёл к башне, и ветер нёс ему запах дыма и приближающейся грозы.

Тризна закончилась, а ночь продолжалась — а вместе с ней и охота на наследницу.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.